

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Актуальной проблемой развития гуманитарного знания современной России является изучение региональной культуры. Многостороннее изучение регионов протекает в рамках регионалистики как макродисциплины, которая призвана оперировать итоговыми, обобщенными результатами специализированных исследований, выполненных отраслевыми науками (ландшафтоведение, экология, антропология, этнография, лингвистика, археология, история, искусствоведение, фольклористика и т.д.)¹.

Понятие «регион» представлено в науке с точки зрения географии, экономики, геополитики. В культурологии регион это «культурно-цивилизационная территориальная целостность устойчивых и динамичных признаков жизнедеятельности людей»². Характерной чертой региональной культуры является то, что она существует в определенном географическом пространстве и зависит от природных условий, природного ландшафта, где протекает жизнедеятельность людей.

Термин «культурный ландшафт» в отечественную географию ввёл известный физикогеограф и биолог, академик Лев Семёнович Берг ещё в начале XX в. Он отмечал, что в отличие от природных ландшафтов, в создании которых человек не принимал участия, в культурных ландшафтах человек и его произведения играют важную роль³. Учение о культурном ландшафте первоначально развивалось преимущественно в рамках физической географии, где культурные ландшафты отождествлялись с антропогенными (преобразованными человеком). Л.С. Бергом был сформулирован предмет новой науки – исторического ландшафтоведения⁴.

Продолжил теоретические разработки в этой области В.С. Жекулин⁵, который считал историческую географию ландшафтов дисциплиной, занимающей пограничное положение между естественными и общественными науками (физической географией и историей). Объектом исторического ландшафтоведения В.С. Жекулин называл географические комплексы, образующиеся в результате взаимодействия природы и населения. В его исследованиях заметное место занимает изучение процессов влияния

¹ Мосолова Л. М. Некоторые основания для исследования истории культуры регионов России // Центры культуры регионы России: Европейский Север: Материалы IV Северо-Западного межрегионального теоретического научного семинара, 8–10 апреля 2005 г. – Мурманск, 2005. – С. 8.

² Левяш И. Я. Культурология. – М., 2002. – С. 294.

³ Берг Л. С. Предмет и задачи географии. – М., 1915. – С. 463–465.

⁴ Берг Л. С. Достижения советской географии. – Л., 1948.

⁵ Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов. – Новгород, 1972.

на ландшафт сельскохозяйственного землепользования и промыслов. В работе Г.А. Исаченко¹, посвящённой историческому ландшафтоведению Ленинградской области, заметное место занимает историко-географический анализ влияния на ландшафты этнокультурных процессов.

В 80-е гг. была образована самостоятельная дисциплина – культурная география, наравне с социальной и экономической географией². С этого момента начинается формирование теоретического аппарата культурной географии, большой вклад в развитие которого внесли Б.Б. Родоман³, Ю.А. Веденин⁴, Н.Ф. Дмитриевская⁵, Д.В. Николаенко⁶, А.Г. Дружинин⁷.

Например, Ю.А. Ведениным культурный ландшафт определяется как «целостная и территориально-локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединённого действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей»⁸. При этом результаты деятельности человека, воплощённые в объектах материальной и духовной культуры, являются частью культурного ландшафта.

Р.Ф. Туровский определяет культурный ландшафт как генетически и территориально единый синтез частных («отраслевых») культурных пространств, комплекс этнических, лингвистических, конфессиональных, политико-исторических, художественных, хозяйственных, научных и философских компонентов (всего 11 компонентов)⁹. В.Н. Калуцков под культурным ландшафтом понимает природно-культурную среду развития определённого этноса или местного сообщества (социокультурной или этнокультурной общности людей, осознающей себя как целое и неразрывно связанной с определённым земным местом). По его мнению, как объект комплексного исследования культурный ландшафт представляет собой шестикомпонентную систему, включающую: 1) местное сообщество; 2) посе-

¹ Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. – СПб., 1998.

² Гохман В.М. Общественная география, её сущность, структура // Вопросы географии. – 1984. – № 123. – С. 57–64.

³ Родоман Б.Б. Объективные процессы формирования ареалов и рациональная организация территории для охраны природы и рекреации: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 1990.

⁴ Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения. – М., 1990. – С. 5–17.

⁵ Дмитриевская Н.Ф., Дмитриевский Ю.Д. География культуры и новое политическое мышление // География, политика и культура. – Л., 1990. – С. 127–134.

⁶ Николаенко Д.В. Районирование российской социокультурной системы. – Симферополь, 1998.

⁷ Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географического исследования культуры: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – Ростов н/Д, 1995.

⁸ Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – М., 1997. – С. 9.

⁹ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М., 1998.

ление; 3) природный ландшафт; 4) местное хозяйство; 5) местную языковую систему, включая топонимию; 6) духовную культуру, включая фольклор¹.

В первой половине 1990-х гг. А.Г. Дружинин и С.Я. Суший заявили о создании особого направления географии – геоэтнокультурологии, изучающей пространственные явления и процессы, обусловленные этнокультурным взаимодействием. В рамках геоэтнокультурологии предполагается и «анализ ландшафтной сферы, и изучение различных инвариантов территориальных общественных систем, и познание особенностей расселения этноса, и выявление географических закономерностей этнического сознания»².

Похожая ситуация складывалась в зарубежной географии, где культурный (искусственный) ландшафт, начиная с работ основоположника американской культурной географии К. Зауэра, рассматривался отдельно от природного ландшафта³. Современная западная культурная география делает акцент на изучение визуального (пейзажного) культурного ландшафта, являющегося внешним (физическим) отражением человеческой культуры на поверхности планеты. В общей сложности в зарубежной географии сложилось, как минимум, пять подходов к изучению культурного ландшафта: структурно-морфологический, феноменологический, перцепционный (символический), эволюционный, искусствоведческий⁴.

«Включение» в культурный ландшафт духовной культуры максимально сблизило это понятие с культурой конкретного региона. Но, принципиальным отличием этих понятий, является то, что культурный ландшафт включает два основных компонента – природный и культурный, а культура региона – интегративное понятие, включающее процессы существования и деятельности человека рамках исторически определившегося географического пространства.

Таким образом, изучение культурного ландшафта обусловлено необходимостью пристального внимания к проблеме взаимоотношения культуры и природы. М.С. Каган выделяет три уровня взаимоотношений природы и культуры: практическое (выражающееся в труде); практически-духовное (выраженное в мифологии, религии и искусстве); и духовно-

¹ Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. – М., 2000.

² Суший С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. – Ростов н/Д, 1994. – С. 20.

³ Sauer K. Morphology of Landscape // Univ. California. Publ. Geogr. – 1925. – Vol. II. – P. 19–53; Jordan T., Rowntree. The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography. – N.Y., 1982.

⁴ Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. – Псков, 2002.

теоретическое (которое проявляется в развитии наук о природе и ценностном осмыслении природы)¹.

В истории русской философско-культурологической мысли в изучении культурного ландшафта можно выделить два подхода. В первом случае формирование культурного ландшафта представлено как процесс его пассивной адаптации к окружающей природно-географической среде. При таком подходе первичной, активной, порождающей творческой энергией наделяется природа (материя), которая по законам своей организации формирует, структурирует культурный ландшафт, определяет характер и стереотипы поведения человека.

Второй подход заключается в том, что культурный ландшафт формируется под влиянием пространственных, национально-государственных и религиозных особенностей. О взаимодействии этих трех составляющих и их влиянии на русский характер писали многие ученые: И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Б.А. Успенский, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, В.О. Ключевский, В.Н. Топоров.

На органичную слитность русского культурного и природного ландшафтов, их структурное (душевное) родство указывал в свое время выдающийся русский историк В.О. Ключевский, который, исследуя восприятие России иностранцами, писал: «Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая бродячьность прежних времен и хронические пожары – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке»².

Формирование культурного ландшафта русского севера имеет свои особенности. Разительный контраст между «красивыми постройками» норвежских колонистов и «полуразвалившимися избушками русских артелей» отмечал и В.И. Немирович-Данченко, который посетил Кольский полуостров в XIX в. Он был крайне поражен тем, что поморы, осознавая превосходство материальных условий жизни норвежских рыбаков, негативно относятся к самой идее заимствования чужого опыта, к перенесению на Русь «правильного», но чуждого образа жизни.

Красочная праздничность норвежской архитектуры резко контрастировала с одноцветной будничной серостью архитектурно-природных ландшафтов русского севера. Эта особенность архитектурного ансамбля север-

¹ Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. – С. 55.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. – М., 1989. – Т. 1 – С. 87.

ных русских деревень поразила исследователя карело-финского эпоса Элиаса Лённрота, составителя сборника древних рун «Калевалы», который совершил поездку по Каргопольско-Онежскому краю¹. Для Лённрота как носителя западноевропейского (скандинавского) пространственного менталитета уютность сельского пейзажа связывается с его искусственностью, регулярностью, дополнительной украшенностью, которая противопоставляется русской естественности цвета, природности. «Отмеченные Э. Лённротом различия в цветовой символике сельских поселений Скандинавии и России отражают глубинные различия в аксиологии двух культур, двух языков пространства. Яркие краски норвежского дома подчеркивают неповторимую индивидуальность его владельца, выражают общий настрой норвежского менталитета на завершенность, отдельность, выделенность, конечность. Напротив, бесцветность, серость, естественность, непроявленность русского пространства соотносятся с представлениями о слитности, безраздельности, незавершенности, вечности»².

Особое место образ пространства нашел отражение в языке. Значение этого слова апеллирует к таким смыслам, как «вперед», «вширь», «вовне», «открытость», «воля»³.

Рассматривая влияние пространства на русский характер, ученые выделяют три природные формы: лес, степь и море. Лес и степь как жизненное пространство русского народа, символизируют противостояние оседлого и кочевого образа жизни. Русский лес согревал, кормил и в то же время таил многочисленные опасности. Русский фольклор населял лес зловещими существами – бабой-ягой, лешим. Инородная, языческая стихия леса привлекала к себе людей, жаждавших свершения духовного подвига, связанного с преображением дикого лесного царства в православное царство. Примером может служить основание в 1533 г. Трифоно-Печенгского монастыря и подвижнический труд Преподобного Трифона, обращавшего саамов в православную веру. На иконах Трифона изображают с медведем. Существует легенда, что понимать язык зверей Трифон научился, когда саамы, чтобы проверить, сможет ли его защитить бог, посадили Трифона в берлогу к медведю. Всё закончилось хорошо, Трифон прожил долгую жизнь, а монастырь действует и сейчас.

Степь для русского человека – символ воли, разгула, широты, а с другой стороны – воплощение бездомности и пространство, заселенное хищными кочевниками, несущими разорение и разрушение. В концепции яркого представителя евразийства Г. Вернадского⁴, географической основой русской истории является соотношение лесной и степной зон, борьба леса и степи. Лес – область охотников, степь – область скотоводов. Русский народ как но-

¹ Лённрот Э. Путешествие Элиаса Лённрота. – Петрозаводск, 1985. – С. 289.

² Терехин Н.М. Лукоморье. – Архангельск, 1998. – С. 24.

³ Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. – М., 1988. – Т. 2. – С. 341.

⁴ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М., 1927.

ситель земледельческой культуры являлся посредником между хозяйственно-природными областями и этносами, их населяющими.

Зато никакого противоречия не возникало у русского человека при обращении реке. Река служила связующей нитью между деревнями и городами, воспитывала трудолюбие и предприимчивость. При переселениях река указывала путь, при поселении – это источник жизни. Самые красивые песни посвящены реке-матушке. Река указывала путь к морю, поэтому море для русского человека обладает магической силой. Русской душе свойственно погружение в «море» хаоса, «плавание по волнам жизни», и даже основой мироздания у русского человека является мать-сыра-земля, где глубокое значение имеет сырость земли. Не случайно русские так самоотверженно борются за выход к Черному, Балтийскому морю, а отсутствие выхода к морю создает ощущение дискомфорта и повод для военных действий.

Наиболее глубокий анализ соотношения степного и морского в русской душе дал выдающийся современный мыслитель и культуролог В.Н. Топоров. Он показывает тесную взаимозависимость морского и степного, и в то же время подчеркивает некую первичность моря по отношению к степи. «В отличие от степи море безосновно; у степи – твердая опора, земля, у моря – опоры нет, и человек в своих усилиях к спасению должен сделать опорю бездну, ничто»¹.

«Водная (морская) стихия, выражающая всю полноту “русскости”, соединяет в себе и всю беспредельную широту степного, и предельную духовную глубину лесного. И поэтому совсем не случайно, но глубоко закономерно то, что предводителем русского народа, подлинно национальным русским святым (которого иноземцы именовали даже “русским богом”) стал святой Николай Чудотворец (Никола Морской) – покровитель мореплавателей, русский морской бог, водитель русского народа по волнам «моря житейского»².

В списке поморских судов XVIII, XIX вв. половина кораблей носила имя Николы. Берега Белого и Баренцева морей были украшены множеством храмов, возведенных во имя святого Николая. Народная поговорка гласит «От Холмогор до Колы – тридцать три Николы». История Мурманска началась с закладки храма святого Николая Мирликийского Чудотворца, на месте которого сейчас находится Дом Культуры им. Кирова. В городе сейчас 6 православных храмов и два из них Свято-Никольский кафедральный собор и церковь Спас на Водах построены в честь святого Николая.

Таким образом, изучение культурного ландшафта приморских регионов является важной и многосторонней темой научного исследования студентов. Неслучайно в сборнике представлены статьи, посвященные специфике морской культуры: морская символика, морские сюжеты и образы в

¹ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М., 1995 – Т. I: Первый век христианства на Руси. – С. 604.

² Терехихин Н.М. Лукоморье. – Архангельск, 1998. – С. 36.

искусстве, история северного судостроения. Северная морская культура, безусловно, является открытой системой и развивается во взаимодействии с другими областями. Поэтому в сборнике представлены статьи, посвященные морской топонимике Санкт-Петербурга, межкультурному сотрудничеству стран Баренц региона и значению Северного Морского пути в формировании культурного ландшафта русского севера.

Многообразие историко-культурных аспектов в изучении приморских регионов, теоретических концепций, посвященных проблеме «природа-культура», взаимосвязь природного ландшафта с мифологией, религией, искусством указывают на необходимость всестороннего изучения этого вопроса.